

ОСИРОТЕВШАЯ «БАШНЯ»: КОГДА НАЧАЛЬСТВО УЕХАЛО

Если спросить у просвещенного знатока биографии Вячеслава Иванова, с кем из лиц, не входивших в ближайший родственный круг (традиционно вбирающий в себя и его бессменную домоправительницу, М. М. Замятнину) поэт встречался чаще всего в петербургский период жизни, ответы могут быть различны. Кто-то назовет долго квартировавшего на башне Михаила Кузмина, другой (с основаниями, которые можно оспорить) — Сергея Городецкого; третий — кота Флёкина (последователя Пострела и Медеи; предшественника Тараски и Квадика; Флёкин, впрочем, был кухаркин и в жилые комнаты не допускался). Предложивший кота будет, конечно, прав в наибольшей степени — но я авторской волей ограничу круг двуногими себе-седниками и констатирую формальную ошибочность всех этих кандидатур. Чаще всего, по несколько раз на дню, во все годы жизни в легендарном здании на Таврической, 25, Вячеслав Иванов виделся с...

...бессменным швейцаром этого дома Павлом Васильевичем Кобызовым.

Его монументальная безымянная¹ фигура, одетая в нарядную ливрею и вооруженная золоченой булавой², невидима для нас, как почтальон у Честертона — но внимательное чтение позволяет обнаружить то здесь, то там проблеск этой корпulentной тени.

(Сложный оптический механизм, который историк наводит на подведомственную ему эпоху, грешит большим количеством взаимовлияющих флуктуаций; если разобраться, удивительно, что мы вообще хоть что-то видим. Одним из частых последствий этого дефекта зрения бывает пропажа бытового фона — мы можем с некоторой полнотой представлять себе корпус художественных текстов интересующего нас поэта, оставаясь в полном неведении относительно, например, предпочитаемой им марки папирос — что в случае со «старой толстой Сафо» приводит комментатора к интереснейшим выводам (Иванов, кстати, курил «Гвардейские» по 55 коп. за сотню; покупал в лавке «А. Н. Шапошников и Ко» (Невский, 66)). Возможно, — и даже скорее всего, — для высоких целей современной науки это и не важно — но держать в уме то, что наш взгляд отличается от точки зрения тогдашнего наблюдателя примерно так же, как от стрекозиного — кажется, стоит).

Швейцар — один из достопримечательных персонажей столичной костюмированной жизни, субъект³ и объект⁴ русской поэзии, — смотрелся в суматошной башенной жизни одновременно диссонансно и органично. Лидия Иванова вспоминала:

«В доме был лифт, работавший до четвертого этажа. Нижний большой вестибюль и лестницы до четвертого этажа были покрыты коврами. Внизу священнодействовал швейцар Павел, средних лет, с рыжеватой холеной бородой, одетый в ливрею. В 1904 году в этом доме в нижнем этаже снимал квартиру генерал Куропаткин

(главнокомандующий русской армией). Павел любил похвастаться таким жильцом и так с ним отождествлялся, что как-то рассказывал: «К нам приезжал министр Плеве, но мы его не приняли»⁵.

Телефона частного не было, а общий стоял внизу у Павла. Чтобы звонить, нужно было спускаться пять этажей (обратно на подъемной машине). В передней висела старая меховая накидка, прозванная «общественной пелеринкой». Хозяева и гости ее накидывали на плечи, когда нужно было спускаться к телефону»⁶.

Сходный портрет рисует Иоганн фон Гюнтер: «Первым делом я отправился к Вячеславу Иванову на Таврическую 25. Утро уже подходило к концу. Швейцар Павел в длинном синем одеянии, усеянном металлическими пуговицами (не то шинель, не то пальто, не то халат), отворил мне дверь. «Господа дома», — сказал он, поднес руку к козырьку и — дабы оказать мне особую честь — поднялся со мной на лифте и высадил меня между пятым и шестым этажами»⁷.

Роль швейцара на башне отнюдь не ограничивалась привечанием гостей и катанием их на лифте в расчете на более чем скромное вознаграждение⁸. Он отваживал нежеланных пришлецов⁹ и назойливых абонентов¹⁰, ссужал небольшие суммы¹¹ и философски относился к их утрате¹², выполнял хозяйственные поручения¹³; служил посредником между бесшабашными башенными жильцами и полицейским государством, оформляя паспорта¹⁴ и даже делегируя жену, Аграфену Ивановну, для производства личного досмотра присутствующих леди при неожиданном ночном обыске¹⁵.

Художественной жизни башни семья Кобызовых тоже была не чужда. Когда Мейерхольд готовил знаменитую постановку «Поклонения Кресту» Кальдерона (спектакль состоялся 19 апреля 1910 года), ему понадобились два актера-арапчонка — чтобы в нужные моменты задерживать пышные ткани занавеса с двух сторон. Далее — слово свидетелю:

«У огромного импозантного швейцара Павла, — из числа тех классических швейцаров в ливрее прежних времен, которые еще даже после 1905 года не перевелись в «лучших домах» Петербурга с подъездами и который стоял чуть ли не с булавой в подъезде дома на Таврической, впуская в полночь гостей на «башню», — а в пижамке и калошах на босу ногу выпускал под утро их оттуда, безропотно принимая ничтожную мзду из многих студенческих и богемных рук за бужение в неурочный час, — у этого Павла было, как полагается для подлестничных жильцов, несметное количество детей. Двое из них были утилизированы «башнею» для этой цели. Когда малышей подвели к Мейерхольду, — он засунул руку в ранее заготовленный таз с разведенной, по-видимому на дегте, сажею и всей пятерней вымазал лицо и кисти рук каждому из двух мальчиков, — чем те остались несказанно довольны. Они были наряжены в чалмы и длинные балахоны, — и, право, ничем не отличались от настоящих традиционных арапчат помещичьих театров XVIII века»¹⁶.

Богемный уклад «башни», казалось бы, должен был фраппировать величественного консьержа, но, удивительным образом, этого не происходило. В одном из ранних писем Зиновьева-Аннибал приятно изумляется его долготерпению: «Нас в доме так уважают (дай Бог не сглазить), что без нашей просьбы швейцар держит электричество до 3, когда ушел последний гость Щеголев»¹⁷. Особенно эта взаимная симпа-

тия стала очевидной, когда Ивановы были вынуждены спешно уехать из Петербурга за границу.

19-го мая 1912 года, в субботу, около восьми часов вечера Вячеслав Иванов, его дочь Лидия и падчерица Вера Шварсалон (которой суждено было стать его женой) приехали на извозчике на Варшавский вокзал, чтобы отправиться в долгое и вынужденное путешествие по Франции, Италии и Швейцарии¹⁸. Домоправительница осталась в Петербурге и уже спустя несколько дней рапортовала о положении дел на башне: «Я сижу еще все не одна, кроме Сережи <Шварсалона> все еще здесь М. А. К<узмин>, кот<орый> не раньше 10-го уедет, да и то дай Бог. <...> Я два раза обедала у Недоброво, два раза ночевал у меня Скалдин, ночевал раз у М. А. <Кузмина> Гумилев, они оба уже две недели, как вернулись в Россию»¹⁹. Дальнейшие планы относительно «башни» были неясны; 12 июля Замятина сообщает Гершензону: «до 1 августа во всяком случае квартира будет за нами и следов<ательно> в полном Вашем распоряжении. <...> На башне Вы, во всяком случае, желанный и ожидаемый гость»²⁰. Вероятно, в середине июля Замятина отправляется вслед за Ивановыми²¹, оставив Кобызева за главного. 7 сентября 1912 года он адресует ей первый отчет:

«Мария Михайловна извиняюсь перед вами что я ваше приказание долго замедлил не уведомил вас всему вина моя. Нету у меня ваших адресов. Которой вы мне прислали с дороге я его берегу для справок потому что знакомые Вячеславу Ивановичу много у меня спровляются пателефону а некоторые приходят ко мне и я ваш конверт всем для точного адреса показываю. Был Батюшков²² справлялся Городецкий и еще были другие много которых я фамилья не запомню. А в чем вы мне отдавали приказания я все исполнил ремонт весь был кончин вовремя и исправности. Гн Гессен²³ вещи перевезли с первого Августа а сами до первого Сентября жили на даче хотели пожить подольшы на даче но дождь и холод заставили приехать к нам с первого Сентября. Ванною я запоял и выкросил всю заново Кирилов а иначе она не имела виду а главное при пайки порасчистили всю старую краску удолили а иначе неудобно было запоять. Духовку плиты исправили одним словом все что было вами приказано. За ремонт ванной за поять я упла<тил> 7 ру и Кирилов за два раза закрасил тоже руб взял. Михаил Алексеевич²⁴ как уехал от нас и с тех пор неразу небыл у нас живет он вместе с Судейкиным²⁵ Рыночная улица д № 16 кв 10 выехал от нас на конуне первых чис<ел> Август<а>. Новые жыльцы то есть Гн и Гжа Гессен живут нечего пока всем довольные. Журналы которые есть я их посылаю я все время прошу прошу Сергея Константиновича²⁶ написать уже ваших Адресов так и недобьюсь некак поевтому так долго я неотвечал. У нас с первого Август<а> идут дожди. <...> Слава Богу все здоровы. Сергею Константиновичу услуживает все время Иванова дворникова жена Эва. Сергей Константинович от нас скоро уедит собирается. За квартиру платит окуратно исправности не задерживает деньги и мне заплатил 5 руб которые вы обещались мне спасибо вам Мария Михайловна»²⁷.

Принципиально важно, что оба участника этой переписки исходят из того, что отъезд Ивановых (и, соответственно, вселение Гессена) — вопрос временный и что в обозримом будущем предстоит возвращение. Более того, в октябре Замятина сер -

дито выговаривает владельцу здания, Г. И. Дернову: «Вяч. Ив. и впредь до того как выяснится, что квартира его будет впредь <так> достаточно тепла не рискует вернуться с женой и ребенком»²⁸. Петербургское сообщество тем временем уверено в скором возвращении Иванова: «Дм. Влад. <Философов> слышал, что Вы будто бы приедете в декабре и все осаждал меня, спрашивал по телефону, нет ли от Вас новых вестей <...>»²⁹. Андрею Белому, встречавшемуся с Ивановым в Базеле в начале сентября 1912 года он показался «разбит, встревожен, не уверен в себе»³⁰; этим отчасти определялась подвижность планов дальнейшего существования. Впрочем, похоже, к концу 1912 года от большей части квартир, конгломерат которых составлял «башню» в момент ее славы, пришлось отказаться; в закрытых комнатах оставались сложенные вещи и книги, а швейцар Павел, отдаленно напоминая тем чеховского Фирса, хранил феодальную верность семье Ивановых. 25 февраля 1913 года он отправляет в Рим очередной отчет:

«Относительно вашей квартиры Сергей Иосифович Гессен все время живут, занимают ту половину с самого начала которая выходит на тверскую а башню сняла некая Вера Давыдовна гжа Ходырева. Большую гостиную которая против двери сняла у Ходыревой Мария Михайловна гжа Яновская профессора Яновского супруга они разошлись врось она 4-и воза очень больших слажыла мебель а сама не живет живет на Кирочной. Правую сторону башни где находилась спальная Веры Константиновны³¹ Ходырева здала за 32 руб. одинокому члену Думы и сома Ходырева уехала за границу 18 ноября оставила при квартиры некая Гжа Ицкович иудейка тоисть жидовка она от себя еще приняла старую старушку тоже иудейку. Потом еще приняли тоисть впустили к себе в качестве жильца молодую девушку финлянку из города Гельсинфорса кудато на Невскому из магазина продавщица или конторщица. Евти все три особы Ицкович и старушка старая и Карина Карловна Гантвар живут в левой староне башни топеря я немогу понять кто из них находится в качестве хозяйки не понять Ходырева верно до весны не вернется к нам.

Сергей Константинович бывають у нас каждый раз в месяц раза два. У меня есть четыре книжки я их показывал Сергею Константиновичу чтобы их отправить но они посмотрели и сказали что посылать их не стоит. Я осенью ходил посылать два дня но не мог сдать потому что требуют на бланках писать по французски и понемецки и по руски так я и не здал пришлось их передать Сергею Константиновичу для отправления. <...>

Я еще уведомляю вас Мария Михайловна относительно распродажи ваших книг то почемуто мало спрашивают. Я только одну продал 21 Декоб<ря> Кормчая звезда³² цена 2 руб и с меня взяли 30 процентов скидки тоесть вместо двух руб я получил только 1 руб 40 коп. Я очень сомневаюсь заскидку и вы мне Мария Михайловна всписки необозначили ничего поевтому мне сумнительно какбы Мария Михайловна мне на свою головушку не наторговаться я вас прошу пожалосто небудити ли возможным уведомить меня пожалосто а то в случае и будут у меня спрашивать а я не знаю как мне поступать в случае продажи заубыток и мне за все не хотелось бы доплачивать. Александра Николаевна Чеботаревская приходила ко мне в конце января справляться о вас нет ли чего новенького а я к сожалению и Адреса не знал ва

шего. А Михаила Алексеевича я совершенно потерял из виду не знаю постарому Адресу они проживают или же переменили не знаю ничего. Остальное у нас по старому все живы и здоровы Морозов Никита Васильевич кланяются всем Вячеславу Ивановичу Веры и Лиды Константиновны и вам Мария Михайловна много много желают вам всякого благополучия и возвратится кнам вдоброму здравию затем досвидания Мария Михайловна будьте здоровы. Весело вам провести время до свидания. Известные вам Павел Васильев и Аграфена Иван Кобызевы»³³.

Два месяца спустя было принято окончательное решение о том, чтобы не возвращаться на башню. «На днях Вячеслав Иванович послал на Раевские курсы заявление о том, что он не возвращается на будущую зиму в Петербург и потому он отказывается от чтения лекций. Действительно, мы переселяемся из Петербурга в Москву. Лидия поступает там в консерваторию, а Вячеслав Иванович будет там печатать тихонько свои книги»³⁴. 1 мая, т. е. за несколько дней до этого письма, Лидия вместе с Эрнами уезжает в Москву, сопровождаемая родительскими напутствиями («< ... > будь уверена в незыблемости чувства, соединяющего тесными узами членов общества Лапа об Лапу»³⁵); Ивановы с Замятниной остаются; в конце мая они собираются во Флоренцию и обсуждают план снять дачу под Петербургом, чтобы отправиться прямо туда³⁶, но что-то не складывается. В результате Замятина одна едет в Силламяги на дачу Чеботаревских, куда уже приехала из Москвы через Петербург³⁷ Лидия³⁸, но среди этих странствий она получает очередное — последнее — письмо от башенного швейцара, ибо там неспокойно:

«Мария Михайловна письмо ваше мною было получено 3 июня и всей день я вам отвечаю на ваше прозбу что вы мне Мария Михайловна напоминайте. Я так стараюсь оберегать и сам по себе но и притом сомневаюсь чего я оберегаю и сам не знаю. Убирали после вас все Сергей Константинович с Иваном и Евою и они без Сергея Константиновича много постоянно служили и убирали а после у Сергея Иосифовича Гессена сколько переменилось за зиму прислух и господ часто не бывало в Петербурге и других жильцов столко переженилось ведь я не мог ходить проверять но а как то было просто такой случай. Вы пожалостно меня не выдайте Мария Михайловна приходит Сергей Константинович и гос Зельман³⁹ незапомню до паски <пасхи> или постля паски спросили у меня послать слесаря сказали что то им отпереть надобно посмотреть в комнатах. Зашли в башню с левой комнаты отодвинули комод который преслонен к дверям Вячеслава Ивановича комнаты. Там висел всякий замок они оторвали винты свободно слесарь открыл и они постля когда уходили приказали мне подняться наверх в квартиру и наблюдать за слесарем пока он поделовал к дверям другой ключ. Они сказали будто первой ключ у них утерян но ключ слесарь мне передал и Сергей Константинович на другой день заехали за ключем ко мне но я незамечал нечего так больших вещей нечего не выносили. В то время когда они поделовали ключ то они мне сказали хотят взять рояль и кое-какие вещь так как они будто с Зельманом сняли другую квартиру но евто почему то не стоялось взять нечего и были случаи такие по три месяца приходилось ожидать за квартиру и мне хозяин несколько раз заставлял позвонить к нему передать перепро-

сильно опять. Ладно но сейчас все подчистуя вращете и я топеря остался сам без жалованья целый месяц хозяин свое получил а мне вожданья вас мария михайловна вы пожалусто извините меня можыт быть что я неуместно вам пишу но я осмеливаюсь вам так писать вы меня спрашываитя то я обо всем вам пишу а в настоящее время от квартиры вашей ключи все находятся у меня и мне было сказано от хозяина следить за всем тоисть за всею целостностию об евтом вы Мария Михайловна прошу небеспокоитесь я и сам стараюсь и безтого слежу но главное если бы она была совсем без жильцов а то положение и место не знаю чего оберегаю в левой башне еще жильцы находят вещи и прислуга Гессена они разрешили ей пожить до прииску места. Досв<идания> пок<лон> всем»⁴⁰.

Но это все уже не имеет для нее никакого значения. 9 июля Замятина отправляется в Москву⁴¹, чтобы «найти и устроить»⁴² квартиру для Ивановых, а в конце лета — начале осени вся семья вновь воссоединяется в новом доме на Зубовском бульваре, чтобы начать московский этап своей величественной биографии. Эпоха «башни» закончилась навсегда, а вместе с ней отошел в область истории и наш незаметный герой.

¹ В лучших именных указателях он фигурирует как «Павел, швейцар»; в иных — опущен вовсе вместе со всей прислугой, с оговорками или без оговорок.

² Официальная форма швейцаров (о коей см.: Ривош Я. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 171) к началу 1900-х годов сохранилась в основном в присутственных зданиях, но некоторые представители этой профессии (а среди них и наш герой) держались старого устава.

³ См. прежде всего: Мельгунов Б. Швейцары в русской поэзии // Русь (Ростов Великий). 1992. № 11. С. 156—162.

⁴ «Внизу в прихожей бывший гимназист / Стоит перед швейцаром без фуражки. / Швейцар откормлен, груб и неречист: / „Ведь грамотный, поди, не трубочист!“ (Саша Черный); «Прохожие стремились войти и выйти. / Швейцар в поклоне не уменьшил рост. / Кто-то / рассеянный / бросил: / „Извините“, / наступив нечаянно на змеин хвост» (Маяковский); «Уже швейцар с булавой / Не красовался в шитье парадном / И на перекрестке городской / Догадывался о неладном» (В. Горянский); «Повернется в дырке ключ, — всех пленит дремоты тайность, / Ляжет спать и сам швейцар, что весь день собирал на чайность» (А. Измайлов); «Давно ли — „с корабля на бал“ / — В подъезде, ярко освещенном, / Швейцар встречал его с поклоном, / Теперь он цену потерял» (А. Шиманская) и мн. др.

⁵ Отзвук этой истории вошел в один из эпизодов «Учителя музыки» Ремизова: «А у нас сейчас швейцара в сумасшедший дом свезли, случай необыкновенный! — сказал стрепетный полковник с колочими шпорами, небезызвестный доктор Абраменко, — наш Таврический швейцар Наум вы знаете, не лицо — один волос, кулачищи — ломовой извозчик, своего жильца норовит в дом не пустить, не только постороннего, всех наводит на страх. Приехал с визитом к генералу Куропаткину эмир бухарский. Поднял Наум эмира на лифте к генералу и всю его бухарскую свиту; а на другой день вызывают Наума через полицию в участок» etc. (Ремизов А. М. Собрание сочинений. <Т. 9>. Учитель музыки. М. 2002. С. 13 — см. [электронное издание](#)).

⁶ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М. 1992. С. 31.

⁷ Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания». Статья, публикация, примечания и перевод К. М. Азадовского // ЛН. Т. 92. Кн. 5. М. 1993. С. 350—351.

⁸ «<...> у меня осталось 10 коп., которые я и отдал ивановскому швейцару» (Кузмин М. Дневник 1905—1907. СПб. 2000. С. 225); «В третьем часу ночи я ухожу; длинная гулкая лестница, с чувством не ловкости звоню к важному барственному швейцару («Как такому на чай?»). Наконец на пустынной улице. Вдох облегчения» (Герцык Евгения. Лики и образы. М. 2007. С. 163—164).

⁹ ««Женя <Зноско-Боровский> поехал к нам, куда приехал и Мейерхольд, которого не хотел пускать Павел» (Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 195); «В этот день <8 ноября 1906> очевидно был пожар и у Вячеслава Иванова. Сейчас с Сашей <Блоком> ходили туда в 12-ом часу ночи. И швейцар сказал, что квартира выгорела. Просят приходить в следующую среду» (Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке. Публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова // Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 года. Тарту. 1964. С. 414); «Посетительниц у Вяч. Ив. была масса. Несмотря на то, что Лид. Дм. <Зиновьева-Аннибал> и прислуга по ее наущению, даже и швейцар Павел, их всеми способами изничтожали, все-таки они не уменьшались» (ретроспективная запись 25-27 августа 1934 г. // Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб. 2007. С. 93).

¹⁰ «Приезжали Гейнцы, звонил Пронин, но Павел сказал им, что меня нет дома»; «Сереза <Ауслендер> звонил несколько раз, но Павел не допускал» (Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 258, 338).

¹¹ «Вернулись к Павлу и заняли» (Там же. С. 367).

¹² «Кузмин сбежал и денег не отдал, он должен <...> Павлу <...>» (письмо Л. В. Ивановой к М. М. Замятниной 8 февраля 1912 г. // РГБ. 109. 26. 3. Л. 18 об.; цитируется в комментариях Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 716).

¹³ Обналичивание чека, покупка чая (письмо М. М. Замятниной к нему 23 июня (или июля) 1911 г. // РГБ. 109. 19. 58).

¹⁴ «<...> у двери встречаюсь с Серезей <Городецким>, паспорт которого швейцар требует для прописки» (запись в дневнике Вяч. Иванова от 16 августа 1906 года — [см. электронное издание](#)).

¹⁵ 28 декабря 1905 года. «Нас, женщин, обыскивала жена швейцара, притащенная полицией, безграмотная, напуганная». — Из письма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной 29 декабря 1905 года // Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М. 2009. С. 149; на соседних страницах — свод данных, подробности и комментарии.

¹⁶ Пяст Вл. Встречи. <М. 1997>. С. 121; их роль была увековечена в стихотворении Иванова «Хоромное действо» («Сцену складками завес / Закрывали арапчата...» // Иванов Вячеслав. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Книга 1. СПб. 1995. С. 461), «Поэме без героя» Ахматовой («Видишь, там, за вьюгой крупчатой, / Мейерхольдовы арапчата / затевают опять возню»; в др. варианте «Театральные арапчата»; в последнем случае речь может идти и о более поздних постановках Мейерхольда, тем более, что Ахматовой на башенном представлении не было) и в прозаических отзывах современников (в частности: «<...> пыльно-золотой занавес открывался не мановением невидимого человека-машины, но двое арапчат в обворожительных костюмах весело раздвигали его и опять сдвигали, сами оставаясь впереди и сбоку его, или скрываясь за ним <...>». — Зноско-Боровский Евг. Башенный театр // Аполлон. 1910. № 8. Отд. 1. С. 33). Отмечу, кстати, что Кобызевы-младшие, отринув сословные барьеры, не раз обращались к жильцам башни в расчете на посильную помощь; ср.: «Швейцаров мальчик пришел ко мне, чтобы я ему помог написать сочинение „О четвероногих друзьях человека“» (Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 171).

¹⁷ Письмо к М. М. Замятниной 22 сентября 1905 г. // Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М. 2009. С. 130; возможно, впрочем, что этот засидевшийся гость реабилитировал в глазах Кобызева прочих посетителей — «Впрочем, „сам“ испокон веков у петербургских швейцаров считался П. Е. Щеголев, куда бы он ни заходил по делу или для развлечения» (Ремизов А. М. Ахру. Повесть петербургская // Ремизов А. М. Собрание сочинений. <Т. 7>. Ахру. М. 2002. С. 40. См. [электронное издание](#)).

¹⁸ Обстоятельства отъезда подробно в ретроспективной дневниковой записи Веры Шварсалон // РГБ. 109.47.30; пункт назначения выбирался мучительно — как варианты рассматривалась Курская губерния, Рим, Тифлис; в 10-х числах однозначно выбрали Европу; 11 мая Замятина (которая в результате осталась в России завершать текущие дела) получила заграничный паспорт (РГБ. 109.43.4.Л. 8). Датой отъезда в записях Шварсалон названо 30 мая — даже если по новому стилю, все равно, кажется, ошибочно. Я датирую отъезд по двум дневниковым записям Кузмина (18 мая: «Все хлопчут об отъезде. <...> Теперь все разлетятся» и 19 мая «Наши насилу выкатились» (Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 352, 353), что косвенно подтверждается письмом Замятниной Иванову, представляющим собой отчет о петербургских делах и помеченным 22-м мая (РГБ.109.19.19. Л. 21 об.).

¹⁹ Письмо Замятниной к Вяч. Иванову от 2/16 июня 1912 // РГБ.109.19.19. Л. 26, 26 об. Кузмин переехал только в начале августа («Переезжаем, болит голова» — запись 5 августа // Кузмин М. Дневник 1908—1915. СПб. <2005>. С. 371; ср.: «Мих<аила> Алексеев<ича> я тоже не видела, знаю, что он переселился к Судейкиным (Рыночная ул. близ Летнего сада), продал своих «Мечтателей» в «Ниву» (прилож.) за 900 р. и сейчас на неск. дней уехал в Ригу» (письмо Ал. Н. Чеботаревской Вяч. Иванову от 7 сентября 1912 // РГБ. 109. 36.22. Л. 14).

²⁰ РГБ.746.33.40. Л. 1. Гершензон воспользовался предложением и прожил на «башне» с 24 мая по 6 июля.

²¹ У меня, увы, нет точной даты отъезда. Вероятно, он произошел между цитированным выше письмом Гершензону и получением письма от Скалдина, в котором тот сообщает петербургские новости (которые были бы бессмысленны, при нахождении адресата в том же городе). Письмо Скалдина датировано 24-м июля (РГБ. 109. 34. 39. Л. 1—2). Думаю, что Л. В. Иванова ошибается, припоминая, что Замятина приехала «в конце осени» (ук. соч. С. 50). С другой стороны, возможно, что она добиралась до них кружным путем — еще 30 сентября Иванов пенял ей из Глиона, что она забыла присовокупить к посылке брошюру Штейнера (РГБ. 109.9.34.Л. 6).

²² Федор Дмитриевич Батюшков (1857—1920).

²³ Вся деловая переписка о намерениях философа Сергея Иосифовича (Осиповича) Гессена (1887 — 1950) арендовать часть «башни» не датирована (письма его к Замятниной см.: РГБ. 109.16.14; ответные — РГБ.109.19.39); в принципе, эта история включена в обширный и несистематизированный контекст сложных взаимоотношений Гессена с русскими философами, истории издания журнала «Логос» (и участия там Иванова) и мн. др., о чем сейчас говорить нехотят. Упомяну лишь, что фоном для отношений Иванова и Гессена 1909—1913 годов служили постоянные попытки последнего заручиться могучим ивановским союзничеством. Гессен прибегал для этого к посредству Е. Герцык («Посылаю Вам по просьбе Гессена и Степуна проспект их журнала, к кот<орому> очень бы хотели привлечь Вас» (письмо Е. Герцык Иванову 22 июня 1909 г. из Фрейбурга. — Герцык Евгения. Лики и образы. М. 2007. С. 647; по получении, 25 июня Иванов записал в дневнике: «Фрейбургский «Логос» и русский философский кружок — наивны, по-видимому хотят моего косвенного участия» (см. [электронную публикацию](#))) и сам неоднократно взывал к нему («Итак, к чему я это все говорю? Что бы просить у Вас позволить поставить Ваше имя на обложке в числе ближайших сотрудников «Логоса» — на место Лосского и Франка. Как важно поставить имя Вячеслава Иванова — Ваше сочувствие много значит и покажет всем, что мы не партийный, а вообще философский орган» — письмо 27 февраля 1913 // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов. М. 1997.

С. 511—512), пока не дождался решительной отповеди: «Что же до ответа, он может быть только категорически отрицательным. Вы обсуждаете вопрос в Вашем любезном и полном для меня глубокого интереса письме с разных точек зрения, но не с ближайшей для меня, не с моей личной этической, психологической и тактической точки» etc. — Письмо Иванова Гессену 6 марта 1913 // РГБ. 109.9.21. Л. 1 (копия рукой М. Замятниной)).

²⁴ Кузмин.

²⁵ Сергей Юрьевич (Георгиевич) Судейкин (1882—1946).

²⁶ Шварсалона.

²⁷ РГБ. 109.27.40. Л. 1—2 об. Адресовано в Лозанну до востребования; зачеркнуто, переправлено в Villa de Bosquet, Grande rue, Evian. Текст здесь и в следующих его письмах записан без деления на фразы; вся пунктуация моя.

²⁸ Письмо 18 октября / 1 ноября 1912 // РГБ. 109. 19. 43. Л. 3. О владельцах «башни» см.: Кобак А., Северюхин Д. «Башня» на Таврической: Биография дома // Декоративное искусство СССР. 1987. № 1. С. 35.

²⁹ Письмо Ал. Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову 17 октября 1912 г. // РГБ.109.36.22.Л. 24.

³⁰ Письмо к А. Петровскому 6/19 ноября (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932. М. 2007. С. 234; дата встречи уточняется по приводимому в комментариях Дж. Мальмстада письму Белого к матери: Там же. С. 235).

³¹ Шварсалон.

³² Первая книга стихов В. И. («Кормчие звезды. Книга лирики. СПб. 1903») вообще продавалась очень туго; в частности, книжный магазин Митюрникова вернул в 1907 г., т. е. спустя четыре года после издания, 180 нераспроданных экземпляров (расписка // РГБ. 109.45.19. Л. 8) — это очень много.

³³ РГБ. 109. 14. 27. Л. 1—2 об. (в описи и каталоге ошибочно значится как письмо П. Васильева). Все упоминающиеся в письме арендаторы (кроме Гессена, естественно) мне неизвестны. Надо сказать, что все они в качестве жителей дома на Таврической отсутствуют в адресных книгах Петербурга, что позволяет заподозрить Кобызева в пренебрежении своими обязанностями.

³⁴ Письмо М. Замятниной к Л. Недоброво от 5 (18) мая 1913 г. // РГБ. 109.19.65. Л. 1—1 об.; ср. в недатированном письме В. Шварсалон к неизвестной: «Вопрос только в месте жительства. В Петербург не хочется, в литературной и вообще в духовной жизни ничего нет по видимому живого. Очень соблазняют нас Эрны в Тифлис где и юг и курсы (куда Вячеслава звали) и т. д., но против этого проекта слишком много всего. <...> В данное время кажется больше всех говорит за себя Москва» (РГБ. 109. 38. 7. Л. 5—5 об.).

³⁵ Письмо Иванова к дочери 1 (14) мая 1913 года // РГБ. 109. 10. 9. Л. 9 об.; дата отъезда подтверждается воспоминаниями: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М. 1992. С. 32; 6-го мая она уже делилась московскими впечатлениями о приезде Бальмонта (РГБ. 109. 25. 25. Л. 25).

³⁶ Письмо М. М. Замятниной к Ал. Н. Чеботаревской 18 (30) мая 1913 // РГБ. 109. 20. 2. Л. 1—1 об.

³⁷ С пути послал «<...> поклон, к которому присоединяются нижеследующие лица: Андрей Белый с Асей (бывшие у нас вчера), Бородаевский и Бердяев (бывшие у нас третьего дня), Ростовцева (приходившая тоже вчера), Недоброво (у кот. мы были вчера и слушали его трагедию), Городецкий Сережа (кот. будет у нас сегодня), Скалдин (непостоянно существующий и у кот. мы были три дня тому назад) и наконец Кассандра (здесь имеющая постоянное пребывание)». — (письмо Л. Ивановой Вяч. Иванову 28 мая 1913 // РГБ.109.25.55. Л. 48 об.).

³⁸ «Лидия <...> даже загорала впервые в жизни и вообще хорошо себя чувствует. Они обе с Кас - сандрой очень по-хорошему здесь живут» (письмо М. Замятниной Вяч. Иванову 7 июля 1913 // РГБ. 109. 19. 15. Л. 37 об.).

³⁹ Залеманов (Зельманов) Александр Михайлович (1891 — после 1929) — чиновник кассационно - го департамента сената, потом — министерства финансов; свод наличных биографических данных о нем см.: Тименчик Р. Д. Заметки на полях именных указателей // НЛО. 1993. № 4. С. 157.

⁴⁰ РГБ. 109.27.40. Л. 2—4 об., адресовано Roma, Piazza del Popolo 18.

⁴¹ Дата устанавливается по письму Ал. Чеботаревской к Е. Камелецкой, в котором она просит приютить Замятнину в Москве на одну ночь (РГБ. 109. 36. 28. Л. 1).

⁴² Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М. 1992. С. 52; окончательно имущество было вывезено в конце июля — начале августа 1913 г., ср. в письме В.Княжнина к Ал. Чеботаревской от 3 августа 1913 г.: «Видели здесь Марью Мих<айловну>, кот<орая> казнилась казнями египетскими: перевозила чужое имущество на Зубовск<ий> бульв<ар> в Москву». — Цит. по: Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002 (2004). № 21:2.